

© 2005 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

ЯВЛЯЛАСЬ ЛИ КРЫМСКАЯ ВОЙНА ДЛЯ СОЮЗНИКОВ “ДОСТОЙНОЙ СОЖАЛЕНИЯ ГЛУПОСТЬЮ”?

Заголовок статьи мы заимствовали из высказывания видного британского политика маркиза Роберта Солсбери. В январе 1877 г., обратясь к делам ближневосточным, он обнаружил, что от Парижского мирного договора 1856 г. остались одни воспоминания, и констатировал: “С каждым днем я все более убеждаюсь, что Крымская война была достойной сожаления глупостью” (цит. по: [1. С. 289]). Предшественником Солсбери по пессимистической оценке итогов войны явился не кто иной как один из ее зачинщиков (и премьер-министр с января 1855 г.) виконт Г.Д. Пальмерстон, заметивший, что заключенный после крымской эпопеи мир больше десятка лет не протянет [2. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 82. Л. 227]. Он ошибся на пять лет – основы пресловутого трактата рухнули в 1871 г.

Крымская война – единственное общеевропейское столкновение за 100 лет, протекших от наполеоновской эпопеи до начала Первой мировой войны. Ветеран российской дипломатии барон А.Г. Жомини с чувством некоторого изумления и большого удовлетворения заметил по поводу быстрого краха сооруженной в 1856 г. конструкции: он не знает в истории случая “мирной отмены договора всего через 15 лет после его подписания”, и при том в обстановке “дружеских излияний” [2. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 88. Л. 201–211].

Нелестная оценка современников нашла подтверждение в историографии. В 1930-е годы Р.В. Ситон-Уотсон свидетельствовал: “Крымская война стала рассматриваться большинством историков как самая ненужная в современной Европе” [3. Р. 359]. Э. Баркер озаглавил свою книгу “Ненужная война”, Г. Гибс – “Грубая ошибка в Крыму” [4]. В наши дни Д. Голдфрэнк признает: “Крымская война с самого начала представлялась многим наблюдателям ненужной и глупой, продуктом злобы и непонимания”. Сам автор избегает столь резких суждений и считает ее “несколько странной”. Он убежден: если бы великие державы действовали в своих интересах, столкновения можно было бы избежать (с чем мы согласны) [5. Р. 5]¹.

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-00079а).

¹ Во французской историографии столь нелестные оценки отсутствуют. Победа в Крыму внесена в пантеон национальной славы и переоценке не подлежит.

Причина быстрого краха “крымской системы” очевидна, она вытекает из условий Парижского мира 1856 г. Самой болезненной для России статьёй являлась та, что запрещала ей держать флот на Черном море и сооружать укрепления по его берегам. Для приличия то же самое обязательство было наложено на Турцию, но она могла в течение пары суток перебросить эскадру из Средиземного моря через Босфор и Дарданеллы. Иное дело Россия. Великая держава не может пренебрегать своей безопасностью и оставлять беззащитными тысячеверстные южные рубежи. По словам О. Бисмарка, Россию лишили важной части суверенитета и подвергли “невыносимому унижению”. По сути своей статья являлась бессмыслицей, и отмена ее со дня подписания договора стала первейшей задачей российской дипломатии.

Увы, угар успеха способен затуманить даже обычно трезвые головы. Во время прений в 1856 г. в британском парламенте никто – ни лорды, ни палата общин, ни консерваторы, ни либералы и радикалы даже не задумались о порочности договора, предопределившей его недолговечность.

Другим уязвимым местом учиненного в Париже действия явилась попытка сохранить на Балканах в целостности и неприкосновенности власть Османской империи. Правда, операцию облекли во вполне благопристойные правовые одежды. Покровительство России над “турецкими христианами” заменили коллективной гарантией держав, султана Абдул-Азиза заставили издать хатт-и-хумаюн (августейший указ) с обещаниями реформ, предусматривавших равноправие его подданных независимо от их конфессиональной принадлежности. Западные державы исходили из стандарта – прогресс укрепляет государство. В османской державе все происходило наоборот, реформы вели это полиэтническое и разное по вере государство к упадку и развалу. Так предопределила история. Империя на протяжении веков оставалась конгломератом чуждых друг другу народов, между христианами и мусульманами пролегла стена дискриминации, сербы, болгары, черногорцы, румыны не считали ее своей родиной, она представлялась им злой мачехой, прогресс они усматривали в возрождении национальной государственности. Поэтому каждый шаг вперед вел не к объединению, а разъединению подвластных султану “племен”. Обладавшие автономией сербы, валахи и молдаване, не имевшие официального статуса черногорцы и болгары мечтали о независимости.

На пути преобразований стояли могучие препоны: традиции исламского превосходства над “неверными”, обреченность на неудачу попыток объединить под крышей “османизма” несоединимое, заставить быстро развивавшиеся христианские народы прервать естественное стремление к образованию и укреплению национальной государственности ради химеры общеимперского единства на слегка подновленной полуфеодальной основе с преобладанием мусульманского элемента; наконец, заинтересованность в сохранении существовавшей рутины пашей, обиравших население, чиновников, живших и жировавших за счет управляемых, солдаты разных рангов, включая генеральский, грабивших вечно бунтовавшие провинции, тучи духовенства, не желавшего отступать от догматов корана и, наконец, темной мусульманской массы.

В британском парламенте раздавались голоса, предрекавшие провал реформаторским затеям отечественной и французской дипломатии: “Сам хатт-и-шериф не являлся актом доброй воли султана, в действительности он был исторгнут усилиями послов Англии и Франции”, – говорил граф Грей: “Если его осуществление предоставить туркам, он не стоит той бумаги, на которой

написан”, тем более , что его содержание противоречит Корану. Что же касается “турецких христиан”, то они ненавидят Высокую Порту и ждут не дождутся часа, когда свергнут ее иго. И что иного можно ожидать “после четырехсотлетней отвратительной тирании”? [6. Vol. 141. P. 2025–2026].

Наихудшие ожидания графа сбылись – попытки поставить Турцию на когти реформ не удалась. Высокая Порта утрачивала власть и престиж в глазах христиан, процесс распада Османской империи шел по нарастающей.

Что же касается ответа на вопрос – а была ли неизбежной война, приведшая к столь непредвидимым для ее западных участников результатам, закономерной и неизбежной, – то он требует размышлений, тем более, что к ее развязыванию был причастен император Николай I. Культивируемый на Западе и по сей день имидж крымской эпопеи, как вызванной нахрапистой агрессивностью царизма, далек от истины. На самом деле все обстояло гораздо сложнее.

Ситуацию в предвоенные десятилетия нельзя рассматривать вне системного кризиса, в который погрузилась Россия. Крепостное право шлагбаумом перегородило дорогу прогрессу и обрекало страну на отсталость. Страна представлялась зарубежным современникам каким-то реликтом средневековья: людьми торгуют, ничего нет похожего на представительные учреждения, цензура свирепствует, повсюду голубые мундиры жандармов, обладатель Зимнего дворца стремится контролировать даже мысли. Армия, предмет его неустанных забот, измотана бесчисленными смотрами и парадами, забита шпицрутенами, вооружена устарелыми, заряжающимися с дула винтовками. Железнодорожная сеть, тогда – первейший показатель прогресса, находится в зачаточном состоянии. Во внешней политике России – сбой за сбоем. С середины 1830-х годов – откат от прежде твердых позиций в османской державе, и не по причине слабости и ошибок дипломатии. Д. Голдфрэнк один из разделов своей книги озаглавил “Англия – прыжок вперед, 1833–1841”. Началось мощное наступление британской промышленности, торговли, финансов и конституционных идей на Турцию. Великобритания – соблазнительный рынок, источник практически неограниченных кредитов, поставщик первоклассного вооружения, кладезь соблазнительных для османских реформаторов правовых идей и либеральных принципов. Россия, по большому счету, в турецких товарах не нуждалась, торговлишка шла тонкими струйками в обе стороны, от ее общественного строя порядочные люди (в том числе и на Балканах) отшатывались.

В 1838 г. состоялось подписание англо-турецкого торгового договора, распахнувшего ворота на рынки Османской империи для британских изделий, хлынувших потоком. Местная промышленность была задушена в колыбели, по словам Д. Авджиоглу, великий реформатор Решид-паша подписал Турции “смертный приговор” [7. С. 74]. Зримым свидетельством смены вех в турецкой политике явились совместные маневры флотов Англии и Турции в том же 1838 г. у средиземноморских берегов, в то время как суда под Андреевским флагом в одиночестве бороздили волны Черного моря в виду у Малой Азии.

Вскоре произошло поразившее современников событие: Николай I дал согласие на заключение Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. о проливах, предусматривавших запрет на проход через Босфор и Дарданеллы для военных кораблей всех стран. Сам факт, что царь позволил запереть свой флот в закрытом водном бассейне, свидетельствовал о его вполне миролюбивых намерениях.

Здесь уместно привести свидетельство Филиппа Ивановича Бруннова, ведшего с Г.Д. Пальмерстоном, главой Форин оффис, предварительные переговоры на сей счет и привезшего царское согласие на закрытие проливов: “Вы не можете себе вообразить, какое впечатление мое заявление произвело на лорда Пальмерстона. По мере того, как я раскрывал перед ним намерения и взгляды нашего августейшего повелителя, черты его выражали столь же чувство изумления, сколь и восхищения” [2. Ф. Канцелярия. 1839. Д. 122. Л. 39; 8. С. 111].

Отечественная историография (включая и автора сих строк) [1. С. 202, 212–213] долгое время рассматривала подписание конвенций как серьезное и труднообъяснимое поражение царизма: “Английскому правительству удалось нейтрализовать дипломатию русского самодержавия и полностью поставить ее на свою службу” [9. С. 139]. Конвенции “извратили правовую природу Черноморских проливов, превратив ее из вопроса, подлежащего компетенции двух стран, в международную” [10. С. 98].

Сейчас раздаются иные голоса, и к ним следует прислушаться. “Если подходить к действиям русского правительства без особых предубеждений, – замечают Е.П. Кудрявцева и В.Н. Пономарев, – то при желании можно представить... решение подписать Лондонские конвенции как достаточно аргументированный и взвешенный шаг” [11. С. 137]. Они, как и В. Б. Михайлов, полагают, что отечественная дипломатия была весьма ограничена в выборе средств. Султан мог распоряжаться проливами по своей воле, достигнутые “соглашения по крайней мере исключали возможность непрошенных визитеров к черноморским берегам” [12. С. 333].

Доля истины в высказывании имеется. Самодержавие в 1840-е годы занимало на южных рубежах сугубо оборонительную позицию, – дабы сохранить то, что есть из своего влияния в Османской империи и в первую очередь в ее балканских владениях. Вскоре обнаружилось, что для друзей Высокой Порты проливы, мягко говоря, закрыты неплотно. После подавления в 1849 г. венгерской революции Николай I имел неблагоразумие присоединиться к австрийским требованиям о высылке из османских пределов борцов, среди которых встречалось немало российских подданных поляков. Натолкнувшись на отказ, царь не стал настаивать на своих требованиях. Но долгожитель Форин оффис Г.Д. Пальмерстон воспользовался случаем, дабы продемонстрировать, на чьей стороне сила и влияние. 7 октября 1849 г. он направил послу в Стамбуле Ч. Стрэтфорду указание: “В предвидении могущих произойти случайностей правительство Е[е] В[еличества] считает нужным предложить, чтобы британская и французская средиземноморские эскадры отплыли к Дарданеллам и были готовы направиться к Константинополю” [13. Р. 264–265]. Подчиняясь приказу, адмирал Ч. Паркер вторгся в Дарданеллы на 20 миль.

Царь был настолько взбешен произошедшим, что не стал ставить на полях написанной “розовой водицей” ноты канцлера К.В. Нессельроде привычное “Быть по сему” и потребовал дать отпор “нахалу” Пальмерстону, чем пришлось заняться Ф.И. Бруннову. В ответ на его протест британец выдвинул утверждение, будто Дарданеллы начинаются не у впадения в Средиземное море, а в самом узком месте пролива. Посол отверг столь вольное обращение с географией и заметил: “На что имеет право адмирал Паркер, на то имеет право адмирал Лазарев. Если первый может войти в Дарданелльский пролив, то последний может пройти через Босфор”. “Нахал” не собирался идти на откры-

тое столкновение, британские суда из Дарданелл удалились [8. С. 258]. Эпизод показал, сколь зыбки расчеты на то, что проливы заперты на турецкий замок.

Внимательный исследователь внешней политики России С.С. Татищев констатировал: “В конце сороковых – начале пятидесятих годов Англия заняла в Константинополе то положение, получила то влияние, значение и преобладание, которые высочайшей волею императора Николая указаны были, как цель русским дипломатам. Собственное наше дипломатическое положение на Босфоре было сведено к нулю” [14. С. 626]. А самодержец с досадой писал о “состоянии ничтожества, в которое приведена Османская империя англо-французским всемогуществом” [15. Ф. 1292. № 56. Л. 68]. Оставалась единственная ниша для удержания позиций на Балканах – особые отношения с их православным населением, закрепленные в русско-турецких договорах. В сердцах сербов, болгар, черногорцев, молдаван и валахов не угасала надежда на поддержку северной державы в процессе их освобождения от османского владычества. Николай I ухватился за право покровительства над “турецкими христианами”, как утопающий хватается за соломинку.

Но и над этим правом нависла угроза. Луи-Наполеон Бонапарт, император французов с 1853 г., жаждал утвердиться на троне с помощью успехов во внешней политике. Завязался спор о Святых местах, о праве того или иного духовенства служить в почитаемых храмах Палестины. Поскольку большинство христиан на Ближнем Востоке придерживалось “греческой веры”, эту миссию традиционно осуществляли православные священнослужители. Наполеоновская дипломатия целеустремленно повела наступление в защиту интересов католиков. Николай I попал в трудное положение – хорош покровитель православия, позволяющий оттеснить духовенство от службы в храме Гроба Господня и других святынях! Царь вступил в борьбу, не останавливаясь перед угрозой применения силы. “Ставлю на военное положение 4 и 5 корпуса, а также Черноморский флот, и мы будем готовы”, – писал он фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу [16. С. 396]. На исходе третьего десятилетия своего правления он утратил присущую ему в молодости осторожность, привычку советоваться с опытными сановниками. В обстановке царившей при дворе лести он лишился способности трезво оценивать позиции других держав и трактовал их в желательном для себя духе, и не нашлось человека, осмелившегося сказать ему правду в глаза. В ослеплении своем царь двинулся в “крымскую ловушку” [17].

Трудно назвать дипломатической подготовкой к войне ту серию заблуждений и ошибочных шагов, которые ей предшествовали. В своих противниках царь числил Турцию и, возможно, Францию. В “друзьях”, монархах Австрии и Пруссии, он не сомневался – они займут позицию благожелательного нейтралитета. “Измену” императора Франца-Иосифа, того, что в недавнем 1849 г. приехал в Варшаву, такой юный, такой робкий, умолять царя о помощи против “мятежных” венгров, он не предвидел. Фатальным просчетом Николая явилось убеждение в том, что Великобритания оружия против него не подымет, и немалую долю вины за подобные заблуждения несла дипломатическая служба, поставлявшая царю угодные ему успокоительные сведения (подробнее см.: [18]).

Поначалу в Лондоне отнеслись спокойно к спору о Святых местах и соглашались, что наступательной стороной в нем являлась французская. Но свобода действий самодержавию предоставлялась лишь в деле о починке крыши храма Гроба Господня, распределения ключей от собора в Вифлееме и

права православного духовенства служить в том или ином алтаре. Посягать же на принцип status quo на Балканах и Ближнем Востоке, – к чему неминуемо свелась бы русско-турецкая война, – не разрешалось.

Противоборство Великобритании и России в регионе насчитывало уже полстолетия; прибегнуть к “последнему доводу королей”, т.е. к войне, владычица морей не могла по причине отсутствия надобной для сего сильной сухопутной армии. Не многопушечные же парусники двигать на Москву! Континентальные войны Великобритания вела и выигрывала штыками союзников, а таковые отсутствовали. Прочность европейских позиций самодержавия между прочим объяснялась и тем, что у него отсутствовали какие-либо претензии к кому-либо из западных соседей. А тут – в первый и последний раз за сто лет – союзник сам в руки шел в лице новоявленного императора французов Луи-Наполеона, жаждавшего взять реванш за гибель в России великой армии его дяди Наполеона I. Вопрос перед Лондоном стоял так: или продолжать прежний курс на верное, но медленное вытеснение России с ее позиций в регионе, или, воспользовавшись уникально благоприятным стечением обстоятельств, взобравшись на плечи “Европе”, возглавив коалицию четырех держав (ибо существовала надежда на вступление в союз Австрии), нанести России удар неслыханной силы, отбросить ее на сто лет назад, не только запереть ее в Черном море (что удалось сделать в 1841 г.), но и открыть тысячеверстное побережье для ударов британского флота, устранить соперничество царизма на Балканах и Ближнем Востоке. И в Лондоне взяли верх тогдашние ястребы во главе с Г.Д. Пальмерстоном.

Не предвидя сего, в состоянии полного политического ослепления, Николай I затеял в январе 1853 г. свои злополучные беседы с послом сэром Д. Гамильтоном Сеймуром, доверительно изложив ему свои вполне умозрительные планы о разделе сфер влияния после того, как Османская империя волею Всевышнего развалится, во что самодержец верил неукоснительно. Впоследствии эти размышления вслух были представлены европейской общественности как доказательство неумной хищности агрессивного русского медведя.

Покорный царскому указанию канцлер К.В. Нессельроде приступил к сочинению инструкций для генерала и адмирала А.С. Меншикова, отправляемого с чрезвычайной миссией в Стамбул. Решено было добиться у Высокой Порты формального, закрепленного международным договором (сенедом) обязательства о покровительстве православной религии. В проекте соответствующего акта говорилось: российский и султанский дворы устанавливают “настоящей конвенцией, что православная религия будет пользоваться покровительством во всех ее церквах и что министры императорского российского двора, как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церквей Константинополя и других мест, которые будут приниматься как исходящие от соседней и искренно дружественной державы” [16. С. 383–384]. Предпринималась явная попытка заполучить возможность вмешательства во внутритурецкие дела, что, разумеется, должно было встретить сопротивление Высокой Порты и ее покровителей. Разумному объяснению не поддается, зачем еще в ведомстве Нессельроде сочинили проект оборонительного союза с султаном в случае принятия всех царских требований (!)

Вооружившись множеством бумаг, Меншиков отправился в путь (апрель 1853 г.). В Стамбуле он повел себя словно слон в посудной лавке и потоком лил воду на мельницу антироссийской пропаганды: на аудиенцию к султану

явился в цивильном платье, а не в парадном мундире, верительные грамоты представил только на русском языке, министра иностранных дел Фуада-эфенди не удостоил визитом, тот понапрасну ждал в кабинете, у дверей которого дежурил церемониймейстер, и подал после этого оскорбления в отставку. Все эти бестактные и незадачливые выходки заслонили от европейской общественности тот факт, что князь пошел на серьезные уступки и отказался в предъявляемых требованиях от “излишеств” [1. С. 250–259].

Ему пришлось столкнуться не только и не столько с турками, сколько с “великим элчи” (послом Чарлзом Стрэтфордом), превратившимся в лорда Редклиффа, с которым не дилетанту в генеральском мундире было тягаться. В Петербурге с досадой убедились, что “Порта потеряла всякую независимость по отношению к Великобритании” [2. Ф. Отчеты. 1853. Л. 55]. По свидетельству биографа знаменитого дипломата, турки действовали “под руководством” Стрэтфорда [19. Р. 275]. Исследователь истории Крымской войны Л. Бирн именовал инструкциями даваемые “великим элчи” туркам советы [20]. Меншиков жаловался: “Порта даже более слепо, нежели обычно, поддается на инсинуации лорда Стрэтфорда, которому сообщает малейшие детали переговоров с нами” [15. Ф. 11. № 1226. Л. 178].

Адресат столь горького упрека сформулировал свою цель вполне определенно – “превратить вопрос из русского в общеевропейский”, т. е. ликвидировать право самодержавия на покровительство балканским христианам и учредить над российско-балканскими отношениями европейский надзор. Вопрос о службе православного и католического духовенства в храмах, расположенных в очагах христианства, был решен на основе компромисса. Затем перед Меншиковым возникла стена, самодержавию предлагали свести проблему к богослужебным делам в Палестине и отказаться от всякого вмешательства в пользу балканских народов. Меншиков пошел на значительное сужение формулировок предполагаемого сенеда, затем вообще отказался от идеи договора. Он получил отрицательный ответ, составленный, по его словам, в британском посольстве. Великий везир Мустафа Решид-паша сообщил ему, что султанским указом будут подтверждены права православной церкви. Что же касается международного акта, то он мог бы относиться лишь к строительству русской церкви и странноприимного дома в Иерусалиме. Из Петербурга пришла такая формула: Порта выступит с нотой, в которой султан соизволит “оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и искренние представления в пользу восточной православной церкви” [16. С. 428]. Но и это ни к чему не обязывающее заявление было сочтено недопустимым посягательством на суверенные права падишаха. Царизму предложили отстраниться от балканских дел. 9 (21) мая пароход “Громобой” с российской миссией на борту развел пары и взял курс на Одессу.

22 июня (3 июля) Николай решился на роковой шаг: два армейских корпуса начали переправу через Прут и заняли Дунайские княжества – в качестве меры давления и для того, чтобы сдерживать оппонентов. Это был грубый просчет. К.В. Нессельроде уверял всех, что самодержавие далеко от мысли сокрушить Османскую империю, “не преследует цели территориального расширения” и постарается “избегнуть войны”, если ему ее не навязжут [16. С. 6, 75]. Ему никто не верил. Посыпался дождь облеченных в дипломатические ноты упреков. Глава Форин оффис лорд Д. Кларендон в категорической форме требовал: “Сохранение турецкой империи является европейской необходи-

мостью, ее расчленение, будь то от внешней агрессии либо в результате внутренних потрясений, явится катастрофой для Европы” [16. Т. 2. С. 36–42; 2. Ф. Канцелярия. 1853. Д. 50. Л. 129–133].

Попытки уладить дело миром не прекратились. Царь, похоже, осознал, что занес ногу над пропастью, и проявлял сговорчивость. Венцом усилий по предотвращению войны можно считать так называемую Венскую ноту (июль 1853 г.), которая от имени четырех держав (Англии, Франции, Австрии и Пруссии) и с предварительного согласия России вручалась Высокой Порте и, в случае ее принятия, конфликт считался исчерпанным. Никаких сенедов она не предусматривала, никаких обязательств перед Россией не содержала. Центральный ее пункт гласил: “Е[го] В[еличество] султан останется верен букве и духу положений договоров Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского о покровительстве христианской религии” [16. Т. 2. С. 52–53]. Зимний Дворец немедленно выразил согласие с нотой. Решид-паша при участии Стрэтфорда внес в ее текст поправки, вычеркнув всякое упоминание об обязанности Порты перед внешним миром оберегать права православной церкви. Забота о ней приписывалась исключительно султанам, Россия как бы не присутствовала на Балканах.

Николай I встал перед мучительным выбором – капитулировать, принять “исправленный” текст ноты или продолжать борьбу? Обстановка была накалена до предела, обыватель в Англии и Франции уверовал – бедняжка Турция бьется в паутине, которой ее опутала хитроумная российская дипломатия, и пришел час обнажить меч. В британском парламенте звучал призыв – “Война или позор!” [6. Vol. 141. P. 2044]. Требования Меншикова представлялись “как дающие царю возможность вмешиваться почти во все вопросы, касающиеся 12 или 13 миллионов христиан греческой веры” [19. P. 255]. Его далеко идущие уступки предавались забвению. Подобная трактовка событий прочно утвердилась в историографии и повторялась в течение десятилетий. Суммируя имевшиеся взгляды, “Британская энциклопедия” писала: Россия, “продолжая политику экспансии в направлении Константинополя, заложенную еще в легендарном волеизъявлении Петра Великого², в начале 1853 г. использовала мелкий религиозный спор, касавшийся немногих священников греческого культа, для того, чтобы потребовать себе без всяких на то оснований неофициальную, но выгодную роль покровителя православных христиан *in partibus infidelium*, как прелиминарий к возможному перераспределению имущества “больного человека”, каковым ее правитель, царь Николай, считал Турцию” [21. P. 708].

Следует отметить, перед войной в британском парламенте раздались голоса правдолюбцев, взявших на себя труд внимательно ознакомиться с документами и пришедших к выводу, что “ультиматум Меншикова” ничем Османской империи не угрожал. Граф Грей говорил в верхней палате: “Совершенно ясно, что, подписав ультиматум, Турция не предоставила бы России ничего, помимо того, ... что последняя уже имеет” [6. Vol. 130. P. 510]. Крахом Порте угрожали не бумаги, а освободительное движение народов и сепаратизм местных правителей. И не они определяли степень влияния России. Опытнейший Ф.И. Бруннов высказывал глубоко правильную мысль – не фор-

---

² Подразумевалось сфабрикованное “завещание Петра Великого”.

мулы трактатов, а реальное соотношение сил воздействовало в решающей степени на российско-турецкие отношения: “Более или менее жесткая статья в действительности ничего не прибавит к нашему влиянию в Турции. Его истоки – в делах, а не в словах” [8. С. 311]. Слабеющая, пораженная гангреной крепостничества Россия удержать свои позиции на бумажном фундаменте не могла. Подписание даже привезенной Меншиковым конвенции ничего грозного для Стамбула не несло, советами в пользу православных Порты могла пренебречь. Правда, шансы на подобное развитие событий равнялись нулю.

Более реальной представляется другая альтернатива: Николай идет на попятный, принимает сделанные дуэтом Стрэтфорд – Решид-паша поправки к Венской ноте, соглашается на отказ от особых прав в отношении “турецких христиан” и на учреждение надзора держав над его отношениями с Османской империей. В таком случае выход из тупика произошел бы все-таки без территориальных потерь и разоружения на Черном море.

Но в силу вступил психологический фактор, идти на подобное унижение Николай не стал. Личность романтического склада, человек, глубоко убежденный в божественном происхождении власти монархов, трудившийся денно и ночно ради, как ему представлялось, блага подданных, оберегавший их от революционной “заразы” и либеральной “скверны”, в недавнем прошлом первый государь Европы, гордый, надменный и самонадеянный, – признать себя политическим банкротом он не мог и решился на войну, безнадежную с самого начала.

Крымская эпопея принесла России и горечь поражения, и славу Севастополя. Перед героизмом защитников твердыни склоняли голову враги. История “расскажет о не знавшей усталости предприимчивости русских, об их непоколебимой отваге и спокойной стойкости, о знаниях их инженеров, о храбрости и искусстве генералов” (из выступления лорда Гленели в парламенте) [6. Vol. 141. P. 1959]. Не столь объективные парламентарии выражали досаду по поводу того, что России не удалось навязать многих желательных для британских ястребов условий. Случается массовое головокружение без видимого успеха. Воинство в красных мундирах лавров в Крыму не стяжало, бастион, который оно осаждало, остался непокоренным. Но горячим головам представлялось, что мощь России подорвана недостаточно: оторгнута всего лишь крошечная Южная Бессарабия, желательно было добиться нейтрализации Азовского моря, разрушения укреплений по Кавказскому побережью, провозглашения независимости горцев; выражалось сожаление, что не удалось смести с лица земли Кронштадт [6. Vol. 141. P. 1987, 2007, 2009, 2054]. Итог в делах балканских представлялся до обидного несолидным. По словам Р.В. Ситон-Уотсона, Турции предоставили “двадцать лет отсрочки для возобновления внутренних реформ” [3. P. 352], или, в поэтическом изложении “Кэмбриджской истории британской внешней политики”, “турки получили еще один день милосердия” [22. P. 357].

Заключенный мир расшатал всю систему европейских международных отношений. Великобритания, не одержав ни одной впечатляющей победы, серьезно потеснила позиции России на континенте, добилась отмены права покровительства последней над “турецкими христианами”, достигнутого в результате четырех кровопролитных и победоносных войн (1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 гг.). Наполеон на десятилетие обеспечил себе первенствующее положение среди монархов Европы, а континент стал полем его не-

предсказуемой политики. Внутренняя слабость режима порождала жажду завоеваний, отсюда – каскад внешнеполитических авантюр, простиравшихся от Мексики до Индокитая, коими обитатель Тюильрийского дворца занимался вплоть до рокового часа своего падения.

Россия приходила в себя после тридцати лет николаевского царствования. “Война окончилась. Всем стало легче. Но за этим чувством скрывалось чувство злобы, обиды, чувство побежденного народа, до сих пор привыкшего только побеждать” [23. С. 67]. Страна выбралась из обломков Священного союза. “Императорский кабинет долгое время был скован традициями, воспоминаниями и общественными связями, которые лишь для него были священны”, – говорилось в отчете МИД за 1856 г. Дальнейшая приверженность им “способна скомпрометировать самые насущные наши интересы” [2. Ф. Отчеты. 1856. Л. 11]. И далее: прежние политические комбинации “свелись к нулю в день, когда оказались затронуты великие интересы России” [2. Ф. Отчеты. 1856. Л. 43]. Горький опыт последних лет не остался втуне. Страна обрела свободу действий. Российская армия на бастионах Севастополя утвердила свою репутацию, что способствовало смягчению синдрома поражения. Рассеивалась удушающая атмосфера николаевского правления, страна вздохнула полной грудью, придавленное общество распрямилось и зашумело о путях движения вперед. В начале 1857 г. Александр II пригласил к себе ближайших сановников и заявил им, что намерен отменить крепостное право.

Наконец-то из царских уст раздалось это слово! И отец его, при всей приверженности к консервативным и охранительным началам, сознавал зло крепостничества. Десять секретных комитетов трудились при нем над аграрным вопросом, – а в результате скромные паллиативы, которые и полумерами не назовешь. Грозный император испугался сопротивления дворянства и повторения пугачевщины.

Понадобилось потрясение Крымской войны, чтобы создать почву для проведения великой реформы. Дворянское сословие осталось косным до конца; по мнению Льва Толстого, девять десятых его представителей были против отмены крепостного права [24. С. 61]. Публицист П.Д. Боборыкин приводил более скромную цифру, но и он признавал: “Огромный класс дворянства на две трети был против падения крепостничества, чиновничество в массе держалось еще прежнего духа и тех же нравов” [25. С. 296–297]. Реформу подготовила горстка людей из знати и высшей бюрократии. Назовем их ныне полузабытые или совершенно забытые имена, они того заслужили: великий князь Константин Николаевич, Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, Д.Н. Блудов, братья Н. и Д.А. Милютины; великая княгиня Елена Павловна представляла “партию реформ” в салонах, подготавливая “свет” к неизбежному. Состав преобразователей в определенной степени объясняет лимиты и недостатки акта 1861 г.

Европу облетела крылатая фраза нового министра иностранных дел князя А.М. Горчакова из его циркулярной депеши от 21 августа (2 сентября) 1856 г. – “Россия не сердится, Россия сосредотачивается”, своего рода декларация внешнеполитических принципов нового царствования: Священный союз рухнул и восстановлению не подлежит; стране нужен длительный мир, “обстоятельства вернули нам полную свободу действий”. Государственный муж, а не чиновник высокого ранга, заботящийся прежде всего о своем департаменте, А.М. Горчаков провозглашал приоритет внутренних преобразова-

ний, а не внешней политики, хотя, казалось бы, следовало прежде всего избавиться от оков Парижского мира: “Император решил предпочтительно посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить на развитии внутренних ресурсов страны деятельность...” [26. С. 211–212].

Сие отнюдь не означало отстранения от зарубежных дел. Треугольник раздоров на континенте составляли тогда Франция, Австрия и Пруссия. В Париже и Вене быстро сообразили, что изгнать Россию из “европейского концерта” не то что невозможно, но и смысла нет. Вся упомянутая троица нуждалась в добрых отношениях с Петербургом.

Вена, после четырех лет шантажа и интриг против России, очутилась лицом к лицу со своим подлинным антагонистом, наполеоновской Францией. А отношения с Петербургом были испорчены донельзя, австрийская дипломатия заслужила лютую ненависть со стороны российской общественности, с которой очень и очень считались власть предержащие, которые, впрочем, вполне разделяли это чувство. Ведомство на Балльхаузплац проявило редкую в истории близорукость и в погоне за балканскими соблазнами на корню подрезало свои позиции в Германии и Италии. Отречемся от эмоций, столь красочно проявленных Николаем Павловичем по отношению к канцлеру Ф. Буолю (“Мерзавец!”, “Негодяй!”, “Каналья!”), и пойдем по пути хладного рассудка.

В австро-прусском соперничестве Николай неизменно стоял на стороне Габсбургов и открыто их поддерживал. Участие в подавлении венгерской революции в 1849 г. среди других причин объяснялось и его стремлением сохранить Австрийскую монархию и дать отпор прусским притязаниям на гегемонию в Германии. В феврале 1849 г. он писал фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: “Будущность Пруссии для меня в тумане; но одно кажется ясно – не быть единству Германии, ни прочим бредням”. И еще одна любопытная фраза из его переписки с “отцом-командиром”: «Пруссия с Австрией близки к разладу, и я должен их мирить. Дело нелегкое, и я молю Бога о скорейшем окончании (венгерского похода – *В.В.*), дабы снова иметь армию под руками и тем им сказать: “Не дурачьтесь, а то я вас!”» [27. С. 268, 323–324].

В том же году, под царским нажимом, прусские войска были выведены из Шлезвига, входившего тогда в состав Дании. В следующем году по так называемому Ольмюцкому соглашению, достигнутому при посредничестве царя, Берлин отказался от планов реформирования Германского союза под своей эгидой, и тот остался в прежнем виде. Бессильная Германия во главе со слабой Австрией – такая формула удовлетворяла Николая I.

После Крыма, лишенная поддержки самодержавия, Вена покатила по наклонной плоскости поражений и “удалилась” из Италии и Германии. А российская общественность радовалась неудачам “изменницы”.

Александр II не чувствовал себя изгоем в монархической среде. Государи выстроились на свидание с ним в очередь. Первым, конечно, стал Наполеон. “Задушевные” беседы за чашкой кофе с князем А.Ф. Орловым во дворце Тюильри весной 1856 г. являлись прелюдией к дальнейшему. На коронацию царя он отправил свое доверенное лицо (и молочного брата) графа Ш.О. Морни. Как писал академик Е.В. Тарле, “всюду, по любому поводу и даже без всякого повода, Морни не переставал говорить о пользе франко-русского союза для обеих империй и о том, что этот союз может дипломатически господствовать в Европе и во всем мире” [28. С. 471]. Его слушали и с ним соглашались.

Не следует думать, что мысль о сближении с Францией родилась в уме князя А.М. Горчакова под влиянием поражения, боязни изоляции или под воздействием красноречия наполеоновского посла. Он рассматривал альянс как естественную комбинацию, продиктованную государственными интересами двух стран при отсутствии у них антагонистических противоречий. Мысли подобного рода мелькали у Петра Великого, Екатерины II и Павла. Горчакову принадлежит высказывание, исполненное глубокого значения: “Следует установить согласие не с той или иной династией, а именно и исключительно с Францией безо всякого внимания к режиму, который господствует в стране, ... ни к симпатиям, более или менее глубоким, которые могут вызывать личности”. Современники понимали намек – Николай I своей “дипломатией чувств”, продиктованной ненавистью к “королю баррикад” Луи-Филиппу и “высочке” Наполеону, нанес немалый ущерб своей стране. Сотрудничество предполагалось на геостратегической основе и на длительный срок.

Но альянс двух держав требовал по крайней мере двух предпосылок. Прежде всего – взвешенного внешнеполитического курса. Основопологающий принцип горчаковской дипломатии гласил: “Сохранение мира в Европе является неотъемлемым условием наших внутренних преобразований” [2. Ф. Отчеты. 1856. Л. 247–248]. Вторым условием сотрудничества было согласие партнера хотя бы на постепенную, пусть даже растянутую во времени, ликвидацию обременительных для союзника условий договора 1856 г. (что ни в какой мере не задевало подлинных французских интересов).

Увы, Наполеон с его вечными претензиями на земли соседей под эти параметры не подходил, Россию он представлял в качестве ведомого при осуществлении экспансионистских комбинаций. Понадобилось время, чтобы осознать эти неприятные истины...

А Бонапарт спешил. Его настойчивое стремление к округлению французских границ могло натолкнуться на сопротивление двух немецких государств. Избегнуть сего Наполеон надеялся, воспользовавшись царившей в Петербурге неприязнью к Габсбургам. Натравить Россию на Австрию, пойти на легкие уступки на Балканах и на этой почве наладить сотрудничество с Зимним Дворцом составляло его задумку.

Наполеон запросил свидания с царем. Весть о намечавшейся встрече переполошила немецкие дворы, наперебой предлагавшие свои услуги по ее организации. Всех опередил престарелый вюртембергский король Людвиг, воспользовавшийся своим семидесятилетием. В Штутгарте Бонапарт заговорил с царем о тяжести и несправедливости мирного урегулирования 1815 г., завершившего серию наполеоновских войн, и тем сразу раскрыл свои замыслы. Он мечтал о крупной перекройке карты Европы и заговорил о возвращении своей страны к ее “естественным границам”, которые, в его трактовке, пролегли по Рейну. Император Александр в дружественных выражениях, но совершенно определенно высказался против подобной схемы достижения условий для прочного мира. Он предпочел бы, чтобы с ним заговорили о другом договоре, о том, что был недавно подписан в Париже. Собеседник реагировал крайне сдержанно. У царя создалось впечатление, что тот считает акт 1856 г. “временной комбинацией”, и все. Не обошли собеседники во время встречи и вопрос об Австрии. Наполеон заметил, что намерен “удалить” ее из Италии. Реакция со стороны Александра последовала несколько иносказательная, но вполне поддававшаяся расшифровке, он сказал, что повторять “ошибку

1849 года” (т.е. вмешиваться вооруженной силой в пользу Вены) не намерен [29; 30. Т. 1. С. 193, 199, 200–204].

Свидание показало лимиты сотрудничества двух держав (взаимодействие в решении ряда балканских вопросов). Становиться подручным в осуществлении аннексионистских планов Бонапарта Александр II молчаливо отказался .

В Вене свидание вызвало глубокую тревогу – не собираются ли два монарха разгромить Австрию ударами с запада и востока? Император Франц-Иосиф напросился на свидание, Александр не счел возможным отказать ему в беседе. Российская сторона везде, где можно, подчеркивала, что встреча состоялась по пути царя домой, в Веймаре, и по настойчивой просьбе австрийской стороны (слово “домогательство” в дипломатии не принято), и являлась простым актом вежливости. Канцлер К.Ф. Буоль поспешно отправился в отпуск для поправки надорванного на службе здоровья, но все понимали – разговаривать с “канальей” и “мерзавцем” русские бы не стали. Франц-Иосиф усиленно демонстрировал готовность к сближению на испытанных охранительных основах: оба двора придерживаются консервативных принципов во внутренней политике, следовало бы распространить их и на внешние дела. В Берлине на чемоданах дежурил король Фридрих-Вильгельм IV, скажи царь слово “да”, и миру явилась бы незабвенная тройца Священного союза. Реакция с российской стороны была вежливо-холодной, что вытекало из курса Горчакова, со Священным союзом покончено, восстанавливать его нет никакого смысла [2. Ф. Отчеты. 1856. Л. 194б 239]. На досадливое замечание Франца-Иосифа – кроме “несчастливого Восточного вопроса” ничего серьезного дворы не разделяет , он получил ответ: для России онный вопрос значит больше, чем все остальные, вместе взятые [2. Ф. Отчеты. 1857. Л. 29]. Австрию отдали на расправу французам, “изменница” пожинала плоды своего “коварства”.

В декабре 1858 г. в Петербург приехал капитан флота барон де ла Ронсьер ле Нури с письмами императора французов и его двоюродного брата принца Наполеона, в Париже начинавшиеся переговоры сочли столь секретными, что решили не прибегать к обычным дипломатическим каналам. Суть содержащихся в письмах предложений сводилась к следующему: при наступлении франко-австрийской войны Россия порывает дипломатические отношения с Габсбургской империей и сосредотачивает на границе с нею армию в 150 тыс. штыков и сабель. Если Россия пойдет дальше и вступит в войну, “император Наполеон обещает оказать России поддержку, чтобы при заключении мира ей была уступлена Галиция”. Самодержавие же дает согласие на присоединение к Франции Савойи и Ниццы, образование в Северной Италии государства с населением приблизительно в 8 млн человек и, если позволят обстоятельства, – на провозглашение независимой Венгрии [26. С. 259–270].

Маленький Наполеон затевал большую войну и вербовал Россию в свои помощники. Все это полностью расходилось с выработанной князем Горчаковым концепцией геостратегических интересов страны – нужен длительный мир для осуществления программы реформ, которые – и только они – позволят стране укрепить свое положение в Европе. А ей предлагают вступить на путь опасных внешнеполитических комбинаций и поставить под угрозу срыва программу внутренних преобразований. Единственный кровно интересовавший Горчакова пункт – об отмене нейтрализации Черного моря, – затрагивался в письме Наполеона в необязывающей для него форме: “если представится случай” (!), то он при заключении мира обещает оказать поддержку в измене-

нии (не в отмене!) отягощающих Россию условий 1856 г. Горчаков предложил, чтобы Франция “уже теперь” отказалась от их гарантии (иными словами, порушила бы Парижский трактат). Из Парижа поступил отрицательный ответ. После этого перед ведомством иностранных дел встала задача в возможно большей степени локализовать надвигавшийся конфликт (а Пруссия уже мобилизовала три армейских корпуса, и британский премьер-министр Г.Д. Пальмерстон заявил, что его страна не потерпит нарушения заключенных в 1815 г. договоров, так что горячего материала имелось более чем достаточно).

Эмоциональные увлечения дипломатии противопоказаны. Становиться подручным по утверждению в Европе наполеоновской дипломатии Горчаков не собирался, представлялось, что перед лицом такой угрозы полезно сохранить слабую Австрию, которая “занимает в европейской системе на наших границах, в ситуации крайнего смещения рас, важное место”. Ее падение может повлечь за собой образование здесь “опасной пустоты” [2. Ф. Отчеты. 1859. Л. 162].

Войну 1859 г. удалось ограничить участием в ней трех государств, Франции, Австрии и Пьемонта. Потерпев поражение, Франц-Иосиф отказался в пользу итальянцев от Ломбардии, а те уступили Наполеону Ниццу и Савойю.

В Петербурге осталось тяжелое впечатление от трудных переговоров 1858–1859 г. : “Не отрицая плодов, которые принесли нашей стране совместные действия на Востоке, мы эквивалента не получили. Во всех без исключения случаях французское правительство не принесло в жертву ни одного из своих интересов” [2. Ф. Отчеты. 1862. Л. 143]³.

Россия не желала бежать пристяжной в его колеснице, Бонапарт был разочарован: “Мы не можем не признать, что иллюзии, питаемые императором Наполеоном относительно нашей позиции, посеяли в его душе зерно недоверия”, – так изящно выражался А.М. Горчаков в отчете МИД за 1859 г. Разочарование в сотрудничестве с ним нарастало, Луи-Наполеон явно пытался выступить в альянсе в роли всадника, а Россию использовать как лошадь. В документах ведомства иностранных дел полно жалоб на “авантюристические аллюры” его “непредсказуемой политики”, двойную игру, на фантазии его окружения. Отчет за 1861 г. составлен в унылых тонах: Россия “не питает ни иллюзий, ни доверия к практической ценности антанты с императором французов”, согласие с ним “должно основываться на полной взаимности, цепи мы принять не можем” [2. Ф. Отчеты. 1859. Л. 6862; 1862. Л. 12]. Завоевательный поход в Индокитай, авантюра с водворением в Мексику императора Максимилиана по-человечески изумляли петербургских сановников, но особых эмоций не вызывали. Иное дело – натиск в Европе, групповая детронизация князей в Италии, непрекращавшиеся поползновения на приграничные земли. Сотрудничество на Балканах эквивалента не приносило, тщательный уход от принятия каких-либо конкретных обязательств относительно тяготивших Россию условий Парижского мира, ничего, кроме туманных обещаний, – все это разочаровывало.

В 1863 г. Наполеон выступил радетелем по польским делам, и тем самым поставил крест на мечтаниях Горчакова о тесном сотрудничестве с Францией. Альтернативы министр не видел, симпатий Александра II к Пруссии и

³ О совместных русско-французских действиях на Балканах см.: [31].

особенно к дяде, королю Вильгельму, не разделял, появление могущественной “Пруско-Германии” встретил с тревогой. Все старания его и царя умирить аннексионистские устремления Берлина в войнах 1864 г. с Данией и 1866 г. с Австрией результата не возымели, король Вильгельм неизменно отвечал на их демарши, что общественность не позволит похитить у победоносной армии ее лавры.

К концу 1860-х годов обозначилось банкротство политики Наполеона Третьего: попытка вмешаться в польское восстание 1863 г. потерпела крах, из австро-пруссской войны 1866 г. выгоды извлечь не удалось, сорвались планы, связанные с присвоением великого герцогства Люксембург, в далекой Мексике повстанцы Бенито Хуареса расстреляли его ставленника императора Максимилиана; и, после охлаждения в отношениях с Россией – полное одиночество на континенте. Оставалось упиваться славой взятия Севастополя как величайшего деяния основанной им династии. Посягать на Парижский мир Бонапарт не смел – а иного пути к сближению с Россией не существовало. Горчаков оставался, – увы, только теоретически, – сторонником сотрудничества с Парижем. Но беседы с послом, генералом Э. Флери, оставляли его “в сумерках”, а то и “погружали во мрак”. Министр иностранных дел маркиз К. Мустье слал инструкции – трактат 1856 г. – “единственный материальный результат славной войны, из которой мы не извлекли никакой выгоды” [32. С. 127–128]. Выпускать из рук хоть увядший, но победоносный венок Луи-Наполеон не желал.

У “железного канцлера” Отто фон Бисмарка, возглавившего в 1862 г. прусское правительство, в руках появился волшебный ключик к сердцам и душам российской элиты. Нельзя сказать, что Пруссия во время Крымской войны хоть чем-то помогла России, ее аусамт участвовал в акциях (фактически – протестах) держав в связи с миссией Меншикова. Однако король Фридрих-Вильгельм IV не шантажировал ни своего шурина Николая, ни племянника Александра угрозой вступить в войну и не слал им ультиматумов. Пруссаки, хотя и подписали Парижский договор, имели благоразумие не цепляться за пункт о нейтрализации Черного моря, который их мало волновал, а, напротив, выражали готовность поддержать его аннулирование, и тем обрели для себя великие выгоды. В стене сопротивления российским требованиям существовала лишь одна брешь – прусская. И это высоко ценилось в Петербурге.

Следует отдать должное российской общественности – она считала закономерным и неотвратимым процесс объединения Германии. Влиятельная и широко читаемая газета “Московские ведомости” писала: “Благоразумие воспрещает противодействовать тому, что составляет неизбежную потребность положения дел. Таковую потребность нельзя не видеть в объединении Германии” (цит. по: [33. С. 170]). Но сам ход его внушал глубокие опасения – бурный натиск, стремительный разгром Дании и Австрии, выдворение последней из Германского союза и, наконец, схватка с Францией под шовинистические завывания немецкой прессы. Захват двух провинций, Эльзаса и Лотарингии, считался само собой разумеющимся. Шли поиски другой добычи, писали о Люксембурге, полагали, что пора обзавестись колониями (назывался Алжир), вспоминали об остзейских немцах... Князь В. Мещерский в письме к наследнику-цесаревичу Александру Александровичу тревожился: “Невольно у всех на языке то, что хочешь – не хочешь, приходит в голову: черт возьми, эдак и до нас доберутся” [34. С. 156–157, 165, 184, 187].

Но с немецкой стороны в критические моменты следовало напоминание о готовности Берлина оказать важную услугу: “Пруссия никак не заинтересована в сохранении этих условий” (миссия генерала Э. Мантейфеля, октябрь 1866 г.); “Если у России есть пожелания относительно Парижского трактата, мы охотно сделаем для нее все, что сможем”, – О. Бисмарк (август 1870 г.) [30. Т. 2. С. 97].

А российской дипломатии оставалось ловить случай для того, чтобы сбросить вериги Парижского мира. Он выдался во время франко-прусской войны 1869–1871 г. – один участник и хранитель договора, Луи-Наполеон, оказался в плену, а его империя приказала долго жить, другой, Пруссия в лице короля Вильгельма и Бисмарка, обещал оказать России поддержку. В марте 1871 г. на конференции в Лондоне нейтрализация Черного моря была отменена, Россия получила право воссоздать в его бассейне военный флот. Выработанной в Париже в 1856 г. системе договоров история отпустила всего 15 лет существования, она бесславно скончалась. В качестве плакальчиков на похоронах пресловутого акта выступила британская печать, предаваясь стенаниям по поводу капитуляции “Европы” перед Горчаковым. Французам было не до горестных излияний, Париж находился в осаде. Бессмыслица вечно существовать не может. Нельзя было лишать Россию возможности защищать свои берега, заставлять ее жить под нависшей над ее безопасностью угрозой. Безнадежно было рассчитывать на то, что христианские народы Балкан смирятся с существованием под эгидой полумесяца. Освободительное движение сербов, черногорцев, болгар, румын развивалось по нарастающей.

Из руин Севастополя восстала новая Россия. Рискнем сказать, что главной жертвой крымской эпопеи стала не она, а некоторые из триумфаторов. Великобритания отделилась разочарованием, загнать империю Романовых в угол изоляции и выдворить ее с Балкан не удалось. Франция и Австрия пострадали несравненно больше. Было бы непростительным упрощенчеством приписывать все постигшие их беды последствиям Крымской войны, но что значительная их доля крылась в “Крымском наследстве” – несомненно.

В плане геополитическом Россия не была заинтересована ни в чрезмерном ослаблении Габсбургской монархии, ни в непомерном усилении Пруссии. Но Вена столько напакостила...

Блок России и Франции имел реальные шансы на существование и мог бы предотвратить войну последней с Пруссией, объединение Германии произошло бы спокойнее, без оглушительного звона оружия и потоков пролитой крови и, главное, без территориальных потерь с французской стороны. Но “победоносный” Парижский договор ядром болтался в ногах дипломатии Второй империи и увлек страну в пропасть.

Когда осенью 1870 г. в Петербург прибыл Адольф Тьер с криком о помощи, Горчаков с огорчением и досадой сказал ему по поводу упущенных возможностей альянса двух стран: “Если бы Французская империя считалась с нами, она избежала бы тех бедствий, которым... подверглась” [26. С. 339]. За победоносные лавры Крымской войны Франция расплатилась двумя прекрасными провинциями, Эльзасом и Лотарингией. А ведь “счастье было так возможно”, реальные предпосылки прочного франко-русского сотрудничества ради укрепления стабильности на континенте существовали.

Так для кого же Крымская война явилась “достойной сожаления глупостью”?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ).
3. *Seton-Watson R.W.* Britain in Europe. Cambridge, 1937.
4. *Barker A.J.* The Vainglorious War. London, 1970; *Gibbs P.* The Crimean Blunder. London, 1960.
5. *Goldfrank D.* The Origins of the Crimean War. New York, 1994.
6. Parliamentary Debates. 3-rd Ser. London, 1854. Vol. 130. London, 1856. Vol. 141.
7. *Дулина Н.А.* Англо-турецкий договор 1838 г. // Народы Азии и Африки. 1976. № 3.
8. *Мантленс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1998. Т. 12.
9. *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – нач. 40-х годов 19 века. М., 1975.
10. *Дранов Б.А.* Черноморские проливы. М., 1948.
11. Россия и Черноморские проливы. М., 1999.
12. История внешней политики России. Первая половина девятнадцатого века. М., 1995.
13. *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. London, 1936.
14. *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.
15. Российский государственный архив древних актов.
16. *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 г. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1. Приложения.
17. *Виноградов В.Н.* Николай Первый в “крымской ловушке” // Новая и новейшая история. 1992. № 4.
18. *Виноградов В.Н.* Святые места и земные дела // Новая и новейшая история. 1983. № 5–6.
19. *Lane-Poole Gh.* The Life of Lord Stradford de Radcliff. London, 1890.
20. *Byrne L.* The Great Ambassador. Columbus, 1984. P. 291.
21. Enciclopedia Britannica. Chicago etc. 1960. Vol. 6.
22. The Cambridge History of British Foreign Policy. 1923. Vol. 2.
23. *Шелгунов Н.В.* Воспоминания. М.; Пг., 1923.
24. *Лященко Л.М.* Царь-освободитель. М., 1994.
25. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1.
26. Канцлер Горчаков. М., 1998.
27. *Шерbatов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб., 1899. Т. 6.
28. История дипломатии. М., 1941. Т. 1.
29. Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.
30. *Татищев С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1999. Т. 1, 2.
31. Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.
32. *Нарочницкая Л.И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. М., 1989.
33. *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-е гг. 19 века за объединение Германии. М., 1960.
34. *Шнейерсон Л.М.* В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969.